

Инна Е. Намакшитанская

Донбасская государственная академия строительства и архитектуры
ул. Державина, д. 2, 86123 Макеевка, Украина
E-mail: svitlicja@ukr.net

Елена В. Романова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 8, корп. 3, 117198 Москва, Россия

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР В ПОЭТИКЕ В. С. ВЫСОЦКОГО

Поэтическое творчество В. С. Высоцкого многомерно и многообразно. Проблемы человеческих отношений поэт передает посредством реалистических и символических образов, помещая их в реальные, мифологические и сказочные ситуации. При этом текст и контекст строятся параллельно или переплетаются в отдельных строфах и строках песен и стихотворений. Затрагивая темы человеческих отношений, социальной, национальной и политической организации советского общества и места человека в нем, В. С. Высоцкий обращается к разным символам, в том числе образам птиц и животных. В статье рассматриваются их семантические значения, отраженные в мифологиях мира, Библии, фольклоре и фразеологии, и прослеживается авторское использование указанных образов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтика, фразеология, подтекст, контекст, мифология, символика, персонификация, лексическая семантика.

В поэтическом творчестве В. С. Высоцкого можно выделить «анималистический цикл», куда входят песни и стихотворения, в которых поэт, используя гротеск и эзопов язык, иносказательно изображает трагикомические сцены современной ему жизни. Поэт обращается к символике с тем, чтобы, создавая подтекст, закодировать запрещенные или не принятые для обсуждения в обществе проблемы или чтобы в более ярких красках передать сюжет. При этом Высоцкий обращается к закону аналогии – постоянному сравнению и отображению предметного мира в духовном. Как отмечает В. В. Жайворонок, «фрагмент бытия предметного мира, отраженный в сознании этноса, попадает в аналогичный круговорот могущества познания, внутренне аналогичных постоянных связей и становится жизненным символом-аллегорией, который основывается на художествен-

ной экспрессии смысловой переходности»¹. Вводя образы из животного мира, поэт в большинстве случаев эксплуатирует их символическое значение, сформировавшееся в мифологиях и религиях народов мира, опираясь в то же время, в основном, на славянскую мифологию, фольклор и христианские верования. Используя конкретные фразеологизмы, В. С. Высоцкий часто расчленяет их, придавая отдельным частям или фигурирующим в них образам новые значения, а помещая в нетипичные для них контексты, переосмысляет их, обогащая новыми смысловыми оттенками. Поражает при этом обилие использованных поэтом образов – символов диких и домашних животных, птиц, насекомых, представителей классов пресмыкающихся и паразитов, морских обитателей. Например, в песне «В куски разлетелся корона...»:

¹ ЖАЙВОРОНОК, В. В. Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень. *Мовознавство*, 2001, № 5, с. 58.

Позор

Всем, кому покой дороже,
Всем, кого сомненье гложет –
Может он или не может
Убивать!
Сигнал! –
*И по-волчьи, и по-бычьи,
И – как коршун на добычу, –
Только воронов покличем
Пировать².*

Как мы уже отмечали, довольно часто в изображении характеров своих персонажей – птиц, животных, насекомых, пресмыкающихся – поэт опирается на традиции фольклора, мифологии и религии, поэтому считаем целесообразным привести некоторые комментарии. Начнем с *птиц*, образы которых используются как с прямым, так и с метафорическим значением.

В мифологии народов мира птицы выполняют разнообразные функции. Они могут быть божествами, героями, прообразами людей, в которых способны превращаться. Птицы – символы верха, неба, солнца, грома, ветра, облаков, свободы, жизни, плодородия, изобилия, души, духа свободы и так далее. На мировом древе птицы находятся у вершины его. В мифах птицы существуют в своих реальных и фантастических образах. По народным поверьям, птицы могут превращаться в людей, а люди – в птиц. В образах *орла* являлись людям и боги – Зевс и Дионис. В греческой мифологии известно превращение Зевса в лебедя, Плеяда – в голубей и т. д. Особенно широко отражены подобные волшебства в славянском фольклоре. Вольга превращается в сокола, сказочные девицы –

в лебедиц³, утиц или голубок. Облик птиц могут принимать ведьмы и колдуны, злые духи. Птицы помогают и вредят, вещают и подсказывают. Широко представлены символы птиц в обрядовых песнях славян, где влюбленные – голуби, жених и невеста – лебедь и лебедушка, женщины – утицы, мужчины – соколы. Образ птицы связан и со славянским ритуалом встречи весны.

Представляет интерес и такая символика птиц: аист – плодородие, семейное благополучие, деторождение (у украинцев – еще и хранитель дома от молнии и злых сил), материнство; воробей – драчливость и жадность; голубь – символ души умершего, небесный вестник, символ мира, любви; гусь – птица хаоса и в то же время творец вселенной; дятел – символ ереси и дьявола; журавль – вестник плодородия, символ доброй жизни, верности, бессмертия; индюк (индейка) – символ чванства и напыщенности; чайка – символ одинокой женщины, вестник беды^{4, 5, 6, 7}.

Широкий спектр этих и других значений имеют птицы в песнях и стихотворениях В. Высоцкого. Например, в песнях «Аисты», «Моя цыганская» и «Пиратская»:

Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты⁸.

В кабаках – зеленый штоф,
Белые салфетки, –
Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке⁹.

На судне бунт, над нами чайки реют!¹⁰

² ВЫСОЦКИЙ, В. С. *Сочинения в двух томах*. Екатеринбург, 1995, т. 1, с. 160.

³ В русских народных песнях самка лебедя обычно называется лебедицей, лебедушкой или той же лексемой лебедь, но в форме женского рода, что было использовано В. Высоцким в стилизованных народных песнях к кинофильму «Иван да Марья».

⁴ *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. Москва, 1992.

⁵ КОСТОМАРОВ, Н. И. *Славянская мифология: Исторические монографии и исследования*. Москва, 1994.

⁶ ФРЭЗЕР, Д. Д. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. Москва, 1986.

⁷ ВОЙТОВИЧ, В. *Українська міфологія*. Київ, 2002.

⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 145.

⁹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 164.

¹⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 228.

В связи с тем, что В. С. Высоцкий во многих песнях и стихотворениях довольно часто прибегал к образам птиц, считаем целесообразным рассмотреть мифологические и символические значения некоторых из них.

Особое место среди птиц занимает **ворон**. Образ ворона в мировой мифологии связан с подземным миром, землей, водой, небом и солнцем. Как птица, питающаяся трупами, черный ворон связывался с царством мертвых, со смертью, с битвой и полем боя. Ворон ассоциируется с небом и землей, он – посредник между водой и сушей (вспомним сказочную живую и мертвую воду, которую приносит ворон), между мудростью и глупостью, между человеческим и животным. В Библии в описании потопа ворон, посланный с ласточкой и голубем, чтобы узнать, обнажилась ли суша, не возвращается. Ной благословляет возвратившегося голубя, проклиная ворона и делает его черным. В средневековой христианской традиции ворон – олицетворение сил ада и дьявола, а голубь – рая, святого духа, христианской веры¹¹. Появление ворона, да еще на левой стороне дома, считалось плохой приметой, а встреча двух воронов предвещала войну. В русских сказках ворон является демоническим персонажем, а в русской фразеологии он фигурирует таким образом: «черные вуроны», «куда ворон костей не заносил», «туда ворон костей не таскал», «каркать, как ворон», «ворон ворону глаз не выклюет». Ворона не имеет таких ярких характеристик, как ворон. Она также питается падалью, но символики в ее действиях гораздо меньше. Во фразеологии она – пуганая («пуганая ворона» – о крайне осторожном человеке), белая («белая ворона» – о человеке, чем-либо выделяющемся из своего окружения), в павлиньих перьях («ворона в павлиньих перьях» – о человеке, играющем не свойственную ему роль)¹².

У В. Высоцкого ворон и воронье – предвестники и символы беды и смерти, причем, используя славянские традиции и фразеологию, поэт ворона, ворону и воронье наделяет разными характеристиками. Например:

*Чтоб не жиреть воронам,
Ставьте побольше пугал.
Чтобы любить, влюбленным
Дайте укромный угол.*

*Люди ворон пугают –
А воронье не боится.
Пары соединяют –
А им бы разьединиться¹³.*

В последней строфе поэт противопоставляет ворон, которых пугают (вспомним «пуганую ворону») и воронье, которое ничего не боится. А в песне «Аисты» противопоставляются певчие птицы и каркающие вороны, чем создается картина трагической обстановки:

*Разбрелись все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет –
вороны!¹⁴*

Интересно использование В. Высоцким в песне «Ошибка вышла» образа ворона как предвестника ухудшения состояния больного героя:

*Шабаш калился и лысел,
Пот лился горячо, –
Раздался звон – и ворон сел
На белое плечо.*

*И ворон крикнул: «Never more». –
Проворен он и прыток, –
Напоминает: прямо в морг
Выходит зал для пыток¹⁵.*

В «Балладе о борьбе», где четко противопоставляются добро и зло, поэт использует собирательный образ воронья, которое сопровождает зло как символ беспринципных, наживающихся на чужом горе людей (в русской фразеологии есть идиома «налетело воронье!»):

¹¹ НЮСТРЕМ, Э. *Библейский энциклопедический словарь*. Стокгольм, 1989, с. 76, 364.

¹² ФЕДОРОВ, А. И. (сост.) *Фразеологический словарь русского литературного языка*. В 2 т. Москва, 1997.

¹³ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 164.

¹⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 145.

¹⁵ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 414.

...Ложь и зло, – погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади –
Воронье и гробы!¹⁶

Песня «Белое безмолвие» посвящена чистоте северной природы и человеческой души:

Север, воля, надежда – страна без границ,
Свет без грязи – как долгая жизнь без
вранья.
Воронье нам не выключет глаз из глазниц –
Потому что не водится здесь воронья!¹⁷

В стихотворении-завещании «Две просьбы», написанном поэтом за 24 дня до смерти, образ воронов используется со значением предвестников смерти, ожидающих ее, и противопоставлен «агнцам», которые боятся ее прихода.

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу – дьяволу, – ни-ни:
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они.

Ты эту дату, Боже, сохрани, –
Не отмечай в своем календаре, или
В последний миг возьми и измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли,
Чтоб люди не хихикали в тени...¹⁸

Петух. Птица, которая занимает много места в мифах, сказках, литературных и музыкальных произведениях, а также в живописи¹⁹. Издревле петух связывался с солнцем и был предвестником его появления. Как и солнцу, петуху приписывался отсчет времени («первые петухи», «вставать с петухами», «третьи петухи»). Кстати, приазовские чумаки²⁰ всегда возили с собой петуха, чтобы знать время. В Китае петух «сопровождает» солнце на его пути через десятый «дом» китайского зодиака (Козерог). А у японского поэта первого тысячелетия нашей эры Мия-

ко-но Есика говорится о том, что в китайском царском дворце «человек-петух» (название должности) будит просвещенного монарха утренним криком, возвещая зарю. Согласно древнему китайскому обычаю, его головной убрыв украшен гребнем петуха²¹. «У древних евреев петух – символ третьей стражи ночи – от полуночи до рассвета»²². В Древнем Риме, а в более поздние времена – у славян и скандинавов, фигуру петуха помещали (на сельских домах помещают и сегодня) на крышах домов, шестах, шпильях, изображали на ларцах и сундуках. Петух приветствует восход солнца и символизирует внимательность, поэтому вырезанный из дерева или листа металла петушок прикреплялся к крыше дома и использовался как флюгер, который поворачивается в ту сторону, откуда угрожают силы зла²³. У многих народов различают красных и черных петухов, первый из которых является символом солнца, огня (вспомним: «пустить красного петуха»), а второй связывается с водой и подземным царством. В старых русских традициях зафиксировано принесение в жертву водяному черного петуха, которого закапывали в землю живьем. В современной русской и украинской фразеологии образ петуха встречается довольно часто. Например: «вставать с петухами», «ложиться с петухами», «до поздних петухов», «петух жареный клюнул»; «ходить півнем» ('ходить петухом'), «діло півняче» ('дело петушиное'), «кому щастя, тому й півень несеться» ('кому везет, у того и петух несется'), «співатиме півень чи ні, а день буде» ('будет петь петух или нет, а день все равно наступит'), «у дурного півня дурна й пісня» ('у глупого петуха и песня глупая')²⁴.

¹⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 407.

¹⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 301.

¹⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 153.

¹⁹ RASMUSSEN, E. *Kuckeliku! Berättelser om en galning i dikt och verklighet*. Höganäs, 1990.

²⁰ Чумаки в Украине XV–XIX вв. – возчики и торговцы, перевозившие на волах хлеб, соль, рыбу и другие товары для продажи.

²¹ СЕНАГОН, С. *Записки у изголовья*. Москва, 1983.

²² *Мифы народов мира*, сноска 4, с. 310.

²³ ВОЙТОВИЧ, сноска 7, с. 410.

²⁴ *Фразеологічний словник української мови*. У 2-х кн. Київ, 1999.

В Новом завете образ петуха имеет символическое значение решающей грани²⁵.

Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня (Матф. 26: 34).

Итак бодрствуйте; ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру (Мк. 13:35).

У В. Высоцкого петух чаще всего символизирует собой наступление утра или решающей грани событий:

Приятно все-таки, что нас тут уважают:
Гляди – подвозят, гляди – сажают!
Разбудит утрам не петух, прокукарекав, –
Сержант подымет – как человек!²⁶

Вот это да! Вот это да!
Вскричал петух и пробил час!
Мак-Кинли – бог, суперзвезда, –
Он среди нас, он среди нас!²⁷

Судя по контексту песни «Милицейский протокол» и «Песни Билла Сиггера», написанной к кинофильму «Бегство мистера Мак-Кинли», В. С. Высоцкий не привязывал пение петуха к какому-либо определенному часу, а использовал в первом случае как противопоставление «петух – сержант», а во втором – для обозначения решающей грани событий – резкого перехода главного персонажа от одного статуса к другому (известности).

Гусь. Нередко в мифологии гусь связывается одновременно и с хаосом и с сотворением вселенной (снес золотое яйцо – солнце), а также используется как символ предусмотрительности и бдительности. В Китае гусь – талисман, помогающий сохранению в семье любви. В произведениях мировой литературы можно встретить образы гусей, спасших Рим, из древнегреческой мифологии.

²⁵ Согласно христианским верованиям, первым пением (в 10 часов ночи) петух прогоняет злых духов, вторым (в 12 часов) – мертвецов, а третьим (в 2 часа ночи) – злых колдунов и ведьм.

²⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 291.

²⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 228.

²⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 243.

²⁹ О собирательном образе «гуси-лебеди» в славянской мифологии см. КОСТОМАРОВ, Н. И. *Славянская мифология: Исторические монографии и исследования*. Москва, 1994, с. 294.

³⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 286.

³¹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 334.

В славянских сказках гуси – добрые помощники людей, попадающих в затруднительное положение (сказка «Гуси-лебеди»). В русской фразеологии образ гуся используется как с позитивными («гусь свинье не товарищ»), так и с негативными характеристиками: «гусь лапчатый», «гусь порядочный», «хорош гусь». Причем негативные характеристики неоднозначны: если «гусь лапчатый» выражает пренебрежительное отношение к человеку, то идиомы «гусь порядочный» и «хорош гусь» – осуждение хитрости и недостойного поведения.

Владимир Высоцкий использует многие фразеологические значения лексемы «гусь», а также образы гусей из русских народных сказок, помещая их, однако, в новые конкретные ситуации и контекст:

Прилетели год назад
Гуси-Лебеди, –
А теперь они лежат
На столе, гляди!²⁸

Как видим, добрые помощники людей из сказки «Гуси-лебеди» попадают на стол в виде готового блюда²⁹. А в «Песенке-представлении Робин Гуся» поэт лишает устойчивое выражение «хорош гусь» метафорического значения и возвращает к прямому, подчеркивая его добавлением еще одной характеристики: «Я – славный гусь...».

Я – славный гусь, хорош я гусь!
Я вам клянусь, я вам клянусь,
Что я из тех гусей, что Рим
спасли³⁰.

Птица на дробь устремляет полет –
Птица на выдумки стала хитра:
Чтобы им яблоки всунуть в живот,
*Гуси не ели с утра*³¹.

Песня «Заповедник» написана как анти-теза прямому значению и предназначению заповедника – оберегать животных и птиц. В ней птицы и звери подставляются под выстрелы и готовят себя людям на съедение, что свидетельствует о саркастическом тоне повествования.

Лебедь. Образ лебеда в греческой мифологии связан с Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Ледой, Орфеем. В сказках народов мира лебедь – умный, добрый, страдающий от несправедливости и перевоплощающийся в юношу (у Х. Андерсена) или девушку (в русских народных сказках, у А. С. Пушкина). Одним из наиболее известных в литературе образов можно назвать умирающего лебеда, который в минуту смерти взмывает вверх, издает последний крик («лебединая песня») и мертвый падает в воду. Используется образ лебеда и как символ поэта, певца, высокой поэзии («Лебедь» Г. Р. Державина, «Царско-сельский лебедь» В. А. Жуковского). В образе лебеда, символизирующего возрождение, чистоту, целомудрие, гордое одиночество и мудрость, душа способна странствовать по небу³².

У В. С. Высоцкого в «Песне о двух погибших лебедях» лебедь – символ нежности, чистоты и верности в любви:

Ну и забава у людей –
Убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников наметан глаз, –
А эти лебеди как раз
Сегодня повстречались.
<...>
Но может, был тот яркий миг
Их песней лебединой...³³

В мифах встречается противопоставление белого и черного лебедей как символов жизни и смерти, добра и зла. У Высоцкого же образы этих птиц используются в славян-

ских традициях – как символы влюбленной пары, например, в «Песне о черном и белом лебедях»:

*Ах! В поднебесье летал
Лебедь черный, молодой да проворный.
Ах! Да от лета устал –
Одинокий, да смелый, да гордый.
Ох! Другу дружка под стать –
Лебедь черный да лебеди белой, –
Ах! Собрались в полет
Оба-двое крылатые вместе.
Ах! Расступися, народ,
Поклонись жениху и невесте!³⁴*

Есть у поэта и мифологизированные птицы (Сирин, Гамаюн, Алконост), и сказочная Жар-птица (хотя и в не свойственном ей виде):

Вона шапочки-невидимочки, –
Кто наденет их – станет барином.
Леденцы во рту – словно льдиночки,
И Жар-птица есть в виде жаренам!³⁵
*Птица Сирии мне радостно скалится –
Веселит, зывает из гнезд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост*
Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черед –
Это птица Гамаюн
Надежду подает!³⁶

Согласно русским и средневековым византийским легендам, алконост и сирин – райские птицы. «Образ Алконоста восходит к греческому мифу об Алкионе, превращенном богами в зимородка. Алконост несет яйца на берегу моря и, погружая их в глубину моря, делает его спокойным на шесть дней. Пение Алконоста настолько прекрасно, что услышавший его забывает обо всем на свете»³⁷. Образ райской птицы – девы Сирина – восходит к древнегреческим сиренам. В русской духовной поэзии Сирин своим пением зачаровывает людей. Согласно западноевропейским легендам, Сирин –

³² Мифы народов мира, сноски 4.

³³ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 403.

³⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 266–267.

³⁵ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 243.

³⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 243.

³⁷ Мифы народов мира, сноска 4, с. 60.

воплощение несчастной души. Сирина и Алконоста – частые образы в русском художественном изобразительном искусстве, например, на полотне В. Васнецова «Сирин и Алконост» (1896), на лубочных картинах. Гамаюн – вещая птица, посланник богов.

Предвестником и символом беды является гриф (в греческой мифологии это чудовищная птица с орлиным клювом и телом льва, это «собака Зевса», стерегущая золото гипербореев; грифы записывали на лбу человека его судьбу, а в своей книге – его грехи и благие поступки; иногда они отождествлялись с духами болезни). У В. С. Высоцкого в «Песне о ненависти» гриф – символ беды:

*Торопись – тощий гриф над страной
кружит!*³⁸

Приведем еще несколько примеров образов птиц, встречающихся в песнях и стихотворениях В. Высоцкого: «альбатрос», «воробьи», «голуби», «грачи», «гусыни», «журавли», «индюк», «какаду», «куры», «перепела», «перепелки», «попугай», «попугайчики», «сокол», «соловей», «соловьи», «стервятник», «утки», «филин». В русской и украинской фразеологии эти птицы встречаются в таких идиоматических выражениях: «знать сокола по полету, добра молодца по походке», «видно сокола по польоту, а сову по погляду» ('видно сокола по полету, а сову по взгляду'), «де соколи літають, туди ворони не пускають» ('туда, где соколы летают, ворон не пускают'), «дружи́ні сороки й орла закліють» ('дружные сороки и орла закліють'), «жалів яструб курку – доки всю оскуб» ('жалел ястреб курицу – пока всю не ошпал'), «із ворон почали, а на сороки перевели» ('с ворон начали, а на сорок перевели'), «краще нині горобець, як завтра голубець» ('лучше нынче воробей, чем завтра голубь') и т. д.

А теперь о символических значениях образов животных, которые встречаются у В. Высоцкого и которым в мифологическом мире отводится очень важная роль.

Согласно Библии («Первая книга Моисеева. Бытие»), после сотворения рыб, пресмыкающихся и пернатых птиц сотворил Бог животных:

1:24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

1:25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

В мифологии и фольклоре животный мир всегда имел свою иерархическую лестницу, которая является проекцией отношений в человеческом обществе. В литературе мир животных в сочетании с миром человеческого бытия и отношений в нем легли в основу таких жанров, как сказка, басня, притча, песня, характеризующихся элементами сатиры и аллегорией.

В восточной мифологии отдельные животные соотносились с временами года, стихиями и целыми классами животного мира. Например, в Китае Белый тигр – представитель всех четвероногих, Голубой дракон – всех животных, покрытых чешуей. В 12-летнем цикле Китая, Тибета и Монголии месяцы и годы связаны с определенными животными-символами: январь – крыса, февраль – вол, март – тигр, апрель – заяц, май – дракон, июнь – змея, июль – лошадь, август – овца, сентябрь – обезьяна, октябрь – петух, ноябрь – собака, декабрь – свинья. В Древней Греции Солнцу сопутствовали кошка, собака, змея, краб, осел, лев, козел, вол, ястреб, обезьяна, ибис, крокодил. Согласно славянским традициям, животные разделялись на «чистых» и «нечистых», в соответствии с чем они и характеризовались в народных сказках, поверьях и легендах, приобретая символические и морально-поучительные семантические нагрузки. У мусульман с небом связаны баран, ослица, чибис, кит, конь, вол, голубь, верблюд, собака, муравей.

Значения и символы восточного календаря просматриваются в стихотворении В. Высоцкого «О знаках зодиака»:

³⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноски 2, т. 1, с. 404.

*Из августа изголодавшийся Лев
Глядит на Овена в апреле.*

В июнь – к Близнецам свои руки воздев,
Нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

Лучи световые пробилась сквозь мрак,
Как нить Ариадны конкретны, –
Но и Скорпион, и таинственный Рак –
От нас далеки и безразредны³⁹.

Остановимся кратко на мифологических значениях некоторых образов животных, встречающихся в поэзии В. С. Высоцкого.

Конь. Фигурирует в мифологии многих народов и является важным образом ряда божеств. На коне передвигались по небу боги и герои Древней Греции. В древности конь чаще являлся атрибутом роскоши и достатка, а для работ использовались воли и ослы. Конь был животным, необходимым на войне. Так, в «Книге Иова» Господь описывает Иову боевого коня:

*39:19 Ты ли дал коню силу и облек шею его
гривою?*

*39:20 Можешь ли ты испугать его, как
саранчу? Храпение ноздрей его – ужас!*

*39:21 Роет ногою землю и восхищается силою;
идет на встречу оружию.*

*39:22 Он смеется над опасностью, и не робеет,
и не отворачивается от меча.*

*39:23 Колчан звучит над ним, сверкает копые
и дротик;*

*39:24 В порыве и ярости он глотает землю и
не может стоять при звуке трубы.*

В Библии кони упоминаются и как образы духовной и земной силы под водительством Божиим. Например, в «Откровении святого Иоанна Богослова»:

*6:2 Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем
всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и
вышел он как победоносный, и чтобы победить.*

*6:3 И когда Он снял вторую печать, я слышал
второе животное, говорящее: иди и смотри.*

*6:4 И вышел другой конь, рыжий; и сидящему
на нем дано взять мир с земли, и чтобы
убивали друг друга; и дан ему большой меч.*

*6:5 И когда Он снял третью печать, я слышал
третье животное, говорящее: иди и смотри.*

*Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем
всадник, имеющий меру в руке своей.*

*6:8 И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем
всадник, которому имя смерть; и ад следовал
за ним, и дана ему власть над четвертою
частью земли – умерщвлять мечем и голодом,
и мором и зверями земными.*

Рассказы о мифических конях существуют в славянской мифологии, у индоевропейцев и народов Центральной Азии. Согласно старинным японским поверьям, конь обладает защитной магической силой: во время традиционного шествия «Белых коней» число их – трижды семь – также имело магическое значение. В славянской мифологии конь – одно из наиболее почитаемых животных, чаще всего – друг и помощник человека. В сказках – добрый советчик, существо умное и любящее. В украинских песнях, например, конь – разумный собеседник.

Конь – соратник и преданный друг казака. Он помогает ему в боях и наставляет на ум, когда тот ошибается. Интересен тот факт, что всадник на коне, побеждающий змея, – одно из наиболее древних изображений славянских мифологических героев. Конь – весьма чувствительное животное. Он чувствует как радость, удачу, так и печаль, горе своего хозяина. Он предчувствует и переживает предстоящие тяжелые испытания, предсказывает будущее и знает все тайны мира.

В украинской фразеологии конь используется также как символ верности и трудолюбия.

В творчестве В. Высоцкого конь (а чаще – кони) – самый распространенный символический образ животного, который в своих чувствах либо объединяется и составляет единое целое с ездоком («Райские яблоки»), либо противится и норовит сделать все по-своему («Бег иноходца», «Кони привередливые»). Например, в песнях «Кони привередливые» и «Очи черные. Погоня»:

Чуть помедленнее, кони, чуть
помедленнее!

Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались

привередливые –

³⁹ ВЫСОЦКИЙ, сноски 2, т. 1, с. 379.

Коль дожить не успел, так хотя бы –
допеть!⁴⁰

Ах вы кони мои, погублю же я вас, –
Выносите, друзья, выносите, враги!⁴¹

Довольно часто в поэзии В. Высоцкого встречаются персонифицированные образы как коня, так и лошади, гнедого, иноходца, коренного, клячи и т. д. Например:

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна⁴².

*...И ударит душа на ворованных клячах
в галоп <...>*

Как ржанет коренной! Я смирил его
ласковым словом <...>

*И познал я коней прочь от мест этих
гиблых и зяблых <...>⁴³*

*Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копыте поудобней легла,
Хорошо, если знаешь – откуда стрела,
Хуже – если по-подлому, из-за угла⁴⁴.*

Мне сегодня предстоит бороться, –
Скільки! – я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца, –
Но не я – жокей на мне хрипит!⁴⁵

Конь в песнях и стихотворениях В. Высоцкого, как и в народной славянской поэзии, тонко чувствует ситуацию, приближающую опасность и настроения ездока. Кроме того, у поэта есть и собирательные образы коней и лошадей, через персонификацию которых или сравнение с которыми автор передает состояние общества и атмосферу в нем:

*Паутину в углу с образов я ногтями сдираю,
Тороплюсь – потому что за дамам седлают
коней⁴⁶.*

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце – подавно⁴⁷.

*По нехоженным тропам протопали
лошади, лошади,
Неизвестно, к какому концу унося
седоков⁴⁸.*

И парами коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идет по замкнутому кругу –
И круг велик, и сбит ориентир⁴⁹.

Перестраивая в цикле антисказок общеизвестные литературные и фольклорные сюжеты, В. Высоцкий добивается в своих произведениях амбивалентности известных символических образов коня. Например, в «Песне о вещем Олеге», являющейся антисказкой пушкинской «Песни о вещем Олеге»:

Злая гадюка кусила его –
И принял он смерть от коня своего.

<...> Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!⁵⁰

Отсутствие коня символизирует в поэзии В. С. Высоцкого бедственное положение героя:

*<...> Я мог бы ездить на коне –
Да только нет коня⁵¹.*

Легит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
«Кто направо пойдет –
Ничего не найдет,
А кто прямо пойдет –
Никуда не придет,
Кто налево пойдет –
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

*Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо⁵².*

⁴⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 300.

⁴¹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 374.

⁴² ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 410.

⁴³ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 476.

⁴⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 399.

⁴⁵ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 249.

⁴⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 349.

⁴⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 165.

⁴⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 121.

⁴⁹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 323.

⁵⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 134.

⁵¹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 307.

⁵² ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 32.

Козел. Главные качества козла в мифологическом представлении – похотливость и плодовитость. Наряду с названными чертами козла в мифах фигурируют и такие его характеристики, как бесполезность и непригодность (идиома «пользы – что с козла молока»), нечистоплотность, сомнительность. Знакомое нам выражение «козел отпущения» может быть связано с жертвоприношениями, а у некоторых народов – и с обрядом похорон, когда «черный козел приносился в жертву, чтобы служить умершему пищей, которая поможет ему возродиться»⁵³. В Библии козел как животное, приносимое в жертву для очищения от грехов, фигурирует довольно часто. Например, в «Третьей книге Моисеевой. Левит»:

16:5 И от общества сынов Израилевых пусть возьмет двух козлов в жертву за грех и одного овна во всесожжение.

16:8 И бросит Аарон о обоих козлах жребии: один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения.

16:9 И приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех,

16:10 А козла, на которого вышел жребий для отпущения, поставит живого перед Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения.

16:21 И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню.

16:22 И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню.

16:26 И тот, кто отводит козла для отпущения, должен вымыть одежды свои, омыть тел свое водою, и потом может войти в стан.

Козел отпущения Владимира Высоцкого живет в «заповеднике (вот в каком – забыл)». Вначале он был просто Козликом, но его заметили

И избрали в козлы отпущения!

Например, Медведь – баламут и плут –
Обхамит кого-нибудь по-медвежью, –
Враз Козла найдут, приведут и бьют:
По рогам ему и промеж ему...⁵⁴

События в заповеднике являются проекцией отношений в обществе, поэтому есть в песне и продвижение Козла по служебной лестнице, благодаря тому, что

*Не противился он, серенький, насилию со
злам...*

Получив должность «козла отпущения»,

*... Козел себе все скакал козлом,
Но пошалить он стал втихомолочку:
Как-то бороду завязал узлом –
Из кустов назвал Волка сволочью»⁵⁵.*

Заняв руководящее кресло, Козел приобрел и «соответствующие» манеры общения с подчиненными:

*«... Покажу вам «козью морду»
настоящую в лесу,
Распишу туда-сюда по трафарету, –
Всех на роги намотаю и по кочкам
разнесу,
И ославлю по всему по белу свету!*

*Не один из вас будет землю жрать,
Все подохнете без прощения, –
Отпускать грехи кому – это мне решать:
Это я – Козел отпущения!»⁵⁶*

А вот и финал истории:

*... В заповеднике (вот в каком – забыл)
Правит бал Козел не по-прежнему:
Он с волками жил – и по-волчьи взвыл, –
И рычит теперь по-медвежью»⁵⁷.*

Волк. В мифологии народов мира символ волка часто связывался с боевой дружиной и родоначальником племени. У осетинских народов, например, вождь племени или дружины назывался волком. На Кавказе было аналогичное представление о волчьей стае как символе единой дружины. У славянских и балканских народов волк часто соотносится с оборотнями, принимающими его облик, – вурдалаками (в украинской мифо-

⁵³ Мифы народов мира, сноска 4, с. 663.

⁵⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 352.

⁵⁵ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 352.

⁵⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 353.

⁵⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 353.

логии они называются еще вуркодлаками и вовкодлаками⁵⁸). В индоевропейской мифологии волк представлен богом войны, члены дружины или войско которого тоже назывались волками. Согласно Библии, враги Евангелия уподобляются волкам:

10:16 Вот, Я посылаю вас, как овцы среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби («От Матфея святое благовествование»).

Мрачные образы волков типичны для украинских казацких песен: волки терзают тело погибшего казака. Хотя есть и такие мотивы: умирающий в степи казак называет волков и лисиц братьями и сестрами: «Ой у полі вовки та лисиці, Ой тож мої брати й сестриці» («Ой, в поле волки и лисицы, Это ж мои братья и сестрицы»)⁵⁹.

Подобное братство отражено и в Библии, в частности в «Книге пророка Исаии»:

И:6 Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.

И:7 И корова будет пастись с медведицею и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому.

У В. С. Высоцкого образ волка многозначен: в нем есть элементы славянской («Очи черные. Погоня»), кавказской («Охота на волков» и «Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов») и иных мифологий. Судите сами:

*Волк не может нарушить традиций, –
Видно, в детстве – слепые щенки –
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!⁶⁰*

*Те, кто жив, затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу!
Отказали глаза, притупилось чутье...
Где вы, волки, быволе лесное зверье,
Где же ты, желтоглазое племя мое?!⁶¹*

*Дождь – как яд с ветвей –
Недобром пропах.
Пристяжной моей
Волк нырнул под пах.*

*<...> Я ору волкам:
«Побери вас прах!...» –
А коней пока
Подгоняет страх⁶².*

В славянской фразеологии волк чаще всего предстает как хищник. Старый волк хитер, лицемерен и опытен, а на молодого можно «найти управу». Например: «волк в овечьей шкуре», «травленный волк», «старый волк», «обстрелянный волк»; «быв вовк у ситі, був і перед ситтю» («был волк и в сетях и перед ними»), «взяв, як вовк вівцю» («взял, как волк овцу»), «вовка в плуг, а він к чорту в луг» («волка в плуг, а он к черту в луг»), «вовк старий не лізе до ями» («старый волк не ползет в яму») и т. д.

Медведь. В мифологических представлениях медведь многохарактерен. Он – и основатель традиций, родоначальник, хозяин нижнего мира, священное животное, оборотень и т. д. Как и козел, медведь связан с небом. В греческой мифологии сказано, что «спутница Артемиды нимфа Каллисто была обращена Артемидой... в медведицу, после чего Зевс перенес ее на небо в виде созвездия Большой Медведицы»⁶³. Медведь является героем сказок, загадок, поверий и заговоров. У многих народов есть «медвежьи праздники», связанные с охотой на медведя или воспитанием медведя в человеческой семье. В славянских обрядовых традициях медвежьи маски и костюмы соотносятся с ритуалами ряженья человека под медведя. Однако «медведь – хозяин леса» – типичное представление об этом звере в славянском фольклоре. В баснях этот образ-символ часто соотносится с человеческим обществом,

⁵⁸ ВОЙТОВИЧ, сноска 7, с. 88; РЫБАКОВ, Б. А. *Язычество древних славян*. Москва, 1994, с. 16.

⁵⁹ КОСТОМАРОВ, сноска 5.

⁶⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 464.

⁶¹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 467.

⁶² ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 374.

⁶³ *Мифы народов мира*, сноска 4, с. 129.

медведь занимает одну из высших ступенек социальной лестницы (И. Крылов, С. Михалков). То же находим и у В. Высоцкого:

Например, *Медведь – баламут и плут – Обхамит кого-нибудь по-медвежьему, – Враз Козла найдут, приведут и бьют: По рогам ему и промеж ему...*⁶⁴

*Все взрвели, как медведи:
«Натерпелись – сколько лет!*

*Ведьмы мы али не ведьмы,
патриотки али нет?!»*⁶⁵

В русской и украинской фразеологии медведь сильный, но неуклюжий и не очень умный. Например: «медведь ухо отдал», «медвежья услуга», «медведь на ухо наступил»; «осла визнаш по вухах, ведмедя по кігтях, а дурня по балачках» ('осла узнаешь по ушам, медведя по когтям, а дурака по болтовне'), «повертається, як ведмідь за горбцями» ('поворачивается, как медведь за воровьями') и т. д.

Наиболее часто встречаемые в произведениях В. Высоцкого дикие звери и домашние животные: «антилопа», «барсуку», «бегемот», «белка», «бизон», «бык», «верблюд», «волю», «вожак», «волчица», «волчата», «выпь», «выхухоль», «гиппопотам», «медведь», «грязли», «еж», «ехидна», «заяц», «кенгуру», «кот», «лев», «мамонт», «мангуст», «мангусты», «мышь», «мышонок», «норка», «олени», «пантера», «собака», «псы», «слон», «слоны», «слониха», «соболь», «тур», «тигрица», «шакал» и т. д.

Из всех названных образов особо интересен, на наш взгляд, *кот*, который фигурирует в песне «Лукоморья больше нет» с антисюжетом пушкинскому «У лукоморья дуб зеленый»:

*Здесь и вправду ходит Кот, –
Как направо – так поет,
Как налево – так загнет*
анекдот, –

Но, ученый сукин сын,
Цепь златую снес в торгсин
И на вырубку – один –
в магазин⁶⁶.

Новые времена – новые нравы: ученый кот – символ высокопоставленного чиновника – рассказывает анекдоты, златую цепь «снес в торгсин», получает гонорары, пьет и пишет мемуары.

Как-то раз за божий дар
Получил он гонорар, –
В Лукоморье перегар –
на гектар!

Но хватил его удар, –
Чтоб избежать божьих кар,
Кот диктует про татар
мемуар⁶⁷.

Использует поэт в этом образе и значения, с которыми кот функционирует в славянской мифологии и верованиях. Вот как пишет об этом В. Войтович: «Это животное преимущественно считали опасным существом, которое стоит на грани двух миров – реального и потустороннего <...> Кот создан Богом, однако все-таки «нечистый», поскольку когда-то съел черта <...> Если кошка перебежит дорогу, жди неудачи...»⁶⁸. С теми же последствиями для пешехода перебежит дорогу и черный кот. Именно это значение, на наш взгляд, прослеживается в песне «Мореплаватель-одиночка»:

Мореплаватель на море одиночка –
*Вроде черного кота на земле!*⁶⁹

В русской и украинской фразеологии кот многолик: «кот в мешке», «сукин кот», «как кот заплакал», «ночью все кошки серы»; «жить, як кішка з собакою» ('живут, как кошка с собакой'), «кидається, як кіт на мишу» ('набрасывается, как кот на мышь'), «поглядає, як кіт на сало» ('посматривает, как кот на сало'), «чорний кіт пробіг» ('черный кот пробежал') и т. д.

⁶⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 352.

⁶⁵ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 120.

⁶⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 148.

⁶⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 148.

⁶⁸ ВОЙТОВИЧ, сноска 7.

⁶⁹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 437.

Широко использует В. С. Высоцкий в песнях и стихотворениях образы *собак, псов, гончих, щенков*. Например:

Ответа нет, – но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны ценные псы⁷⁰.

Как за грудки, держался я за камни:

Когда собаки близко – не беги!

Псы покропили землю языками –

И разбрелись, слизав его мозги⁷¹.

Как видим, поэт дифференцирует образы собак и псов (а в первом случае – «ценных псов») по критерию агрессивности их характеров: «собаки» безобиднее «псов», но «ценные псы» злее просто «псов». Как не вспомнить здесь метафорические характеристики человека: «как собака», «как пес», «как цепной пес».

Псам мясные ошметки

Дали – а псы не подрались.

Дали пьяницам водки –

А они отказались⁷².

В песне «Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов», передавая через символы волков и настаигающих их псов стремление к свободе и преследование за это, поэт создает ситуативные антонимические пары: «волки ≠ псы», «стая свора», «волчья жизнь собачья смерть», «волки собаки»:

Свора псов, ты со стаей моей не вяжись,

В равной сваре – за нами удача.

Волки мы – хороша наша волчья жизнь,

Вы собаки – и смерть вам собачья!⁷³

Загнан в угол зельем, словно

гончей – лось⁷⁴.

«Гончая» – охотничья собака, главная функция которой преследовать и отыскивать добычу охотника.

Интересен у В. Высоцкого *класс насекомых и пресмыкающихся*, символическое значение которых не так просто, как кажется на первый взгляд. Что же дают для понимания этих образов мифологические представления?

В мифах народов мира различные виды *насекомых и пресмыкающихся* соотносятся с разными символами и частями пространства. Например, пчела соотносится с небом, комары и москиты – с нижней частью мирового дерева, с демонами и т. д. В фольклорных произведениях насекомые и пресмыкающиеся часто соотносятся с животными и птицами⁷⁵. Во фразеологии образы насекомых используются для сравнения, выражения количества, характеристики человека и т. д. Например: «комар носа не подточит» – что-то сделано очень аккуратно; «что комарья» – очень много; «до белых мух» – до первого снега; «какая муха укусила?» – почему в плохом настроении?; «как сонная муха» – медленно; «как мухи на мед» – активно. Сравнение смыслов образов насекомых и пресмыкающихся в мифологии и в поэзии В. Высоцкого свидетельствует о том, что поэт в большинстве случаев не пользовался их мифологизированными характеристиками. В «Гербарии» в этих образах закодированы конкретные люди из круга знакомых и коллег самого поэта, воплотившего реальную ситуацию в художественном произведении –

⁷⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 2, с. 71.

⁷¹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 447.

⁷² ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 164.

⁷³ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 466.

⁷⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 252.

⁷⁵ «Тот факт, что разные насекомые соотносятся в совокупности со всеми космическими зонами и со всеми тремя частями мирового дерева, находит параллель в мифопоэтическом взгляде на насекомых как гибридный образ, составленный из черт (или свойств), присущих животным, живущим в воздухе, на земле (а иногда и под землей); сравните соответствующие тексты (особенно часто – загадки о насекомых) типа: «Чорон, да не ворон, рогат, да не бык, шесть ног без копыт: летит – воет, падает – землю роет», «Летит по-птичьи, ревет по-бычьи», «Не рак, не рыба, не зверь, не птица» и т. п. Иногда насекомое изображается как посланец бога, которому дана власть над всеми, кроме обитателей моря» (*Мифы народов мира*, сноска 4, с. 202).

песне, главным персонажем которой является авторский герой. Насекомые и представители мира пресмыкающихся «участвуют» в целой системе человеческих отношений, где одни преследуют других – осуждают, презирают, предают:

*Червяк со мной не кланится,
А оводы со слепнями
Питают отращение
К навозной гольтьбе, –
Чванливые созданыца
Довольствуются сплетнями, –
А мне нужны общения
С подобными себе!*⁷⁶

Интерес к миру насекомых и пресмыкающихся, через посредство которого аллегорически изображается взаимоотношенность людей, – характерный признак модернизма. Мир насекомых «Гербария»: жуки, стрекозы, шмели, бабочки, сороконожки, клопы, оводы, осы, паук, сверчок, пчелы. Все они персонафицированы и являются носителями характеров конкретных людей из окружения авторского героя, которого осуждают за нарушение установленного хода событий. Кстати, надо вспомнить, что поэта обвиняли в недостаточном знании русского языка за то, что он поместил в гербарий насекомых и пресмыкающихся вместо растений. Данное обвинение представляется нам необоснованным, поскольку поэт, на наш взгляд, имплицитно использовал слово «лист» как лист бумаги и лист – часть растения, в частности дерева (омонимы). Причем второе из названных значений лексемы «лист» объединяет ее с лексемой «гербарий», которая стоит в названии песни, в общее семантическое поле. А первое значение (лист бумаги) соотносится с сочетаниями «доска объявлений», «информационная доска», «Доска позора». К одной из таких досок «пришилен шпилькой», «странный экспонат», под которым написано: «Невиданный доселе...» – листок с обвинением авторского героя в недостойном поведении. Позволим себе предположить, что последнее

сочетание – авторский вариант канцеляризма советского времени «неблаговидный поступок», который использовался как заголовок информации о нарушении трудовой дисциплины или норм поведения в быту сотрудника коллектива и в котором администрация призвала осудить нарушителя. Подтверждением нашей гипотезы могут быть следующее строки текста песни:

*Я гомо был читающий,
Я сапиенсом был...
<...>
Тянулся, кровью крашенный,
Как звали, к шалашу...*

*<...>
Жужжат шмели солидно,
Что надо подчиниться...
<...>
Один брезгливо ткнул в меня
И вывел резюме:
«Итак, с ним не налажены
Контакты, и не ждем их, –
Вот почему он, граждана,
Лежит у насекомых.
Мышление в ем не развито,
И вечно с ним ЧП, –
А здесь он может разве что
Вертеться на пупе».⁷⁷*

А теперь, будучи ограниченными рамками статьи, рассмотрим символические значения трех насекомых, чьи образы вошли в песню.

Оса. У многих народов оса – образец хитрости и ловкости. Думается, что не с этими значениями, а с фразеологическим («кусать, как оса» – больно) и использовал В. Высоцкий этот образ, акцентируя внимание больше на внешности героинь (вспомним фразеологизм «осиная талия»):

*Да, мне приятно с осами –
От них не пахнет псиной,
Средь них бывают особи
И с талией осиной.
И кстати, вдруг из коконов
Родится что-нибудь
Такое, что из локонов
И что имеет грудь...⁷⁸*

⁷⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 422.

⁷⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 422.

⁷⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 423.

Для определения символического значения следующих двух насекомых – *шершня* и *пчелы* – воспользуемся характеристиками, данными этим насекомым Григорием Сковородой в одной из «Басен Харьковских» – «Пчела и шершень». Вот что пишет великий украинский мыслитель: «Шершень – это образ людей, которые живут воровством чужого и рождены для того, чтобы есть и так далее. А пчела – герб мудрого человека, который сродни труду. Много шершней без ума говорят: зачем этот, к примеру, студент учиться, если ничего с этого не имеет. Зачем, мол, учиться, если это не обогащает?.. Говорят это, не обращая внимания на слова Сираха: «Веселое сердце – жизнь для человека», и не понимая, что работа по душе для него сладчайшее пиршество»⁷⁹.

У В. С. Высоцкого в «Гербарии» образ шершня встречается в таком контексте:

В мозгу моем нахмуренном
Страх льется по морщинам:
Мне будет шершень шурином –
А что мне будет сыном?..⁸⁰

Думается, что и образ пчелы у Высоцкого своими значениями перекликается с определением Григория Сковороды:

Когда в живых нас тыкали
Булавочками колкими –
Махали пчелы крыльями,
Пищали муравьи, –
Мы вместе горе мыкали –
Все проткнуты иголками, –
Забудем же, кем были мы,
*Товарищи мои!*⁸¹

Контекстуально вся данная строфа содержит информацию о перипетиях трудового коллектива. Строка «Мы вместе горе мыкали» передает общие жизненные невзгоды «товарищей» авторского героя – «странного экспоната», а предпоследняя строка – «Забудем же, кем были мы» – перекликается с песенной строкой «Интернационала»: «Кто был никем, тот станет всем». И неспроста

поэт использовал в данном контексте именно образы пчелы и муравья – символов трудолюбия, нашедших отражение и во фразеологии: «трудиться, как пчела», «работать, как муравей».

Другие насекомые в произведениях В. Высоцкого: «бабочки», «жуки», «жуки-навозники», «ожучою», «моль», «мурашки», «мухи», «оводы», «осочка», «паук», «паучишки», «клещ», «сверчок», «скорпион», «стрекозы», «слепни», «тля», «трутень», «шмели». Довольно часто поэт использует эти образы в сравнениях.

Например:

Иные – те, кому дано, –
Стремятся вглубь – и видят дно, –
Но – как навозные жуки
И мелководные мальки..⁸²

В последних двух строках дается характеристика поверхностных и неглубоких взглядов тех, «кому дано».

Из класса *пресмыкающихся* наиболее «активной» у В. Высоцкого является *змея*. Образ змеи присутствует в мифологических представлениях почти всех народов мира. Их объединяет то, что это характеристика змеи как символа, связанного с плодородием, землей, водой, дождем, домашним очагом, огнем, мужским оплодотворяющим началом.

Однако в Библии собирательный образ змеи – змей – чаще всего наделяется негативными чертами, среди которых акцентируются хитрость, злоба, идолопоклонство и безбожие. Змеи, как и все пресмыкающиеся, были нечисты по закону и их воспрещалось употреблять в пищу. Например, в «Третьей книге Моисеевой. Левит» предписывается:

11:41 Всякое животное, пресмыкающееся по земле, скверно для вас, не должно есть его.

11:42 Всего ползающего на чреве и всего ходящего на четырех ногах, и многоножных из животных пресмыкающихся по земле, не ешьте: ибо они скверны.

⁷⁹ СКОВОРОДА, Г. Твори. У 2-х т. Київ, 1994, т. 1, с. 122–123.

⁸⁰ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 423.

⁸¹ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 424.

⁸² ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 364.

Есть в Библии и упоминание о некоторых породах ядовитых змей: аспид а) «затыкает уши свои И не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях» (Псл. 57:5), прячется в норах (предполагается, что это египетская очковая змея); б) лежит в засаде в песке и впивается в ногу своей добычи («Первая книга Моисеева. Бытие» 49:17); ехидна, от которой Павел «не потерпел никакого вреда» («Деяния святых Апостолов» 28:5); летучий змей – опасная змея, родиной которой является Египет, Аравия и Палестина, живет среди ветвей на верушках деревьев и бросается на свою добычу с быстротой молнии («Книга Пророка Исани» 34:15).

А вот и змей-искуситель в «Первой книге Моисеевой. Бытие»:

3:1 Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

3:14 И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей.

Однако, согласно книге «От Матфея святое благовествование», змеи обладают мудростью:

10:16 Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: и так будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби.

У славян образ змея связан со злыми, враждебными человеку силами, а образ змеи ассоциируется с владычицей земных богатств (последний был использован Бажовым в сказе «Хозяйка медной горы»). В славянских народных поверьях змеи охраняют опустевшие дома, в чем есть параллель и с индийской мифологией (но там змея – хранительница кладов в заброшенных городах и замках). Ярким отражением характерных черт символа змеи в славянской мифологии являются фразеологизмы: «змея подколодная» – об опасном, злом и коварном человеке,

«змеиный характер» – злой и коварный, «змеиный укус» – нанесенная внезапная обида, «змеиное кубло», «змеиное гнездо» – чаще о злобствующей группе людей, «змеиный яд» – злые слова; «змеиная улыбка» – коварная, неискренняя улыбка.

Образы пресмыкающихся у В. Высоцкого, кроме змеи: «змéи», «змей», «Змей Горыныч», «ящерица», «уж», «червяк» и т. д. Они имеют как прямое, так и символическое значение. Например:

*«Змеи, змеи кругом – будь им пусто!» –
Человек в иступлении кричал <...>⁸³*

*И в пустынях, в степях и в пампасах
Даже дали наказ патрулям –
Игнорировать змей безопасных
И сводить ядовитых к нулям⁸⁴.*

*Бывшим подругам в Сорренто
Хвасталась эта змея:
«Ловко я интеллигента
Заполучила в мужья!...»⁸⁵*

В «Песенке про мангустов» змеи несомненно имеют символическое значение, что видно в строках «Игнорировать змей безопасных и сводить ядовитых к нулям», где явно прослеживается отношение власти к согражданам. В песне «Про любовь в эпоху Возрождения» поэт прибегает к метафоризации, поэтому сочетание «эта змея» является экспрессивной характеристикой хитрой, коварной и злой женщины.

Сказочные персонажи, в том числе и Змей Горыныч – «чудовище с телом змеи», живут «в заповедных и дремучих страшных Муромских лесах» («Песня-сказка о нечисти»). Но если в русских народных сказках Змей Горыныч противопоставлен добрым силам, то в песне Высоцкого он находится в окружении нечисти – кикимор, леших, ведьм. Он имеет слугу – Вампира и приятеля Соловья-разбойника, который для нечисти «устроил буйный пир», после которого

*Змей Горыныч взмыл на древо,
ну – раскачивать его...⁸⁶*

⁸³ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 288.

⁸⁴ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 288.

⁸⁵ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 222.

⁸⁶ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 119.

Комический эффект песни создается за счет того, что нечисть живет заботами человеческого общества («поделиться приехали опытом», «им устроил буйный пир», «на наших женщин позарился») и «ничто человеческое ей не чуждо» – они напиваются и обижаются, бранятся и дерутся:

Соловей – разбойник тоже
был не только лыком шит, –
Гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
ты, заморский паразит!
Убирайся без бою, уматывай
И Вампира с собако прихватывай!»⁸⁷

Так заканчивается «обмен опытом» Змея Горыныча, который «имел неосторожность» потребовать:

«Выводи, Разбойник, девок, –
пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать твою, всех сгною!»⁸⁸

Как видим, ситуативные функции образов животного мира в поэтических произведениях В. Высоцкого весьма разнообразны. Прежде всего, это образы для *сравнения* («ходят слухи, словно мухи», «прошмыгну, как мыш, как вошь», «припал к земле, как верный пес», «медлителен, как филин», «все взрвели, как медведи», «я сжал письмо, как голову змеи»); это *воплощение черт человеческого характера в образах представителей фауны и сказочного мира* – персонафикация их («паук на мозг мой зарится», «если есть там соловьи – то разбойники», «я желаю, право же, чтобы трутень был мне теть», «первый Соловей в округе», «на теле общества есть много паразитов», «жужжат шмели солидные, кто надо подчиниться»); это *введение различных образов-символов, связанных с отдельными явлениями или событиями в обществе* («и над крышами нет аистов», «пусть над нами кружат черны вороны», «торопись – тощий гриф над страню кружит!», «вскричал петух и пробил час!», «и Жар-птица есть в виде жареном!»); это *использование фразеологизмов (либо их*

фрагментов) с зоонимами в составе («козе – баян, попу – гармонь, икона – папуасу», «слезы крокодила», «денег – куры не клюют», «как будто кот заплакал», «хек с маслом в глотку – и молчим, как рыбы», «здесь гадючее гнездо», «гинекологов одних – как собак нерезаных», «мы на них собаку съели, – если повар нам не врет», «белый слон был, конечно, белую вороной»); это *использование разговорных и просторечных обращений-характеристик* («ну, гад, он у меня допросится», «вон он, змей, в окне маячит», «а ты не радуешься, змея, скоро выпустят меня», «раздарили, гады, раздарили», «замучили, гады, слона в зоопарке», «ну что он, сука, делает?!», «ах ты тля», «ишь ты, клещ, отоварился»); это *вводные конструкции с зоминными значениями* («будь он параллелепипед, будь он круг, ядрена вошь», «гадом буду, я не приревную», «последний буду гад!») и т. д.

Самыми богатыми образами песен и стихотворений (анималистического цикла) можно назвать такие, как «*конь*», «*пес*» и «*собака*». В семантическое поле первого из названных образов включаются сочетания и лексемы: «гнедые кони», «кони привередливые», «бурые», «пегие», «серый конь», «очень злые кони», «конь – Пегас», «на белом коне», «на нерезвом коне», «коня плохого из обоза взял», «конь конем», «фаворит», «мустанг», «иноходец», «коренной», «рысак», «кони пародируют мустангов», «лошадь», «лошади», «лошадки», «Сивка-лошадь», «взмыленная лошадь», «темная лошадка», «злая лошадь», «пристяжная», «кляча», «кобыла», «табуны» и т. д. Семантическое поле «*пес*, *собака*» включает словосочетания и лексемы: «верный пес», «бездомный пес», «добрый пес», «дворовый пес», «псами облаяя», «пса охраняют», «как пес один», «свора псов», «псины», «псины», «бездомные псины», «не пахнет псиной», «борзые», «гончая», «колеса гончие», «ищейка», «терьер», «рожа бульдожья», «шалые», «цепные псы», «бесноватые псы», «легалым стал», «легалых нету», «собака»,

⁸⁷ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 120.

⁸⁸ ВЫСОЦКИЙ, сноска 2, т. 1, с. 119.

«собачка», «собаки», «собачки», «летучая собака», «собачьи свадьбы», «как собак нерезаных», «собаку съели», «продрогла, как собака», «собакою на сене восседал», «к чертям собачьим», «суки», «сукины сыны», «сукина дочь», «сукин сын», «сука одноглазая», «щенок», «щенки», «я чист был, как щенок», «кobelи», «Муму», «опсовели».

Довольно часто наименования животных и птиц вынесены уже в названия песен и стихотворений. Например: «А у дельфина...», «Аисты», «Бег иноходца», «Дайте собакам мяса», «Змеи, змеи кругом – будь им пусто...», «Истома ящерицей ползает в костях», «Кони привередливые», «Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...», «Мне снятся крысы, хоботы и черти», «Мы без этих машин – словно птицы без крыл...», «Осторож-

но, гризли!», «Охота на волков», «Охота на кабанов», «Песенка про Козла отпущения», «Песенка про мангустов», «Песня о двух погибших лебедях», «Песня о черном и белом лебедях», «Песня про белого слона», «Горопись – тощий гриф над страной кружит...» и т. д.

Таким образом, поэзия В. С. Высоцкого насыщена символическими образами животных, птиц, насекомых, рыб и пресмыкающихся, персонификация которых и необычное ситуативное использование помогли поэту ярче и рельефнее изобразить общество и человека в иерархии межличностных, производственных, бытовых, социальных, национальных и многих других видах отношений. При этом в каждой песне и стихотворении просматривается собственная позиция поэта.

Inna E. Namakshtanskaja

Donbass State Academy of Civil Engineering and Architecture

Elena V. Romanova

Russian Peoples Friendship University

THE ANIMALISTIC WORLD IN V. S. VYSOTSKY'S POETICS

Summary

V. S. Vysotsky's poetry distinguishes in its variety and amount of images. The poet presents the problems of human relations using realistic and symbolic images and placing them in real, mythological and fairy-tale situations. Thus, his text and context are built in a parallel way or interlace in some strophes and lines of his songs and poems. Touching upon themes of human relations, social, national and political organization of soviet society and man's place in it, V. S. Vysotsky makes use of different symbols, including images of birds and animals. The article deals with the analysis of semantic meaning reflected in the world of mythology, Bible, folk and phraseology. Besides, the article focuses on the author's use of the presented images.

KEY WORDS: poetics, phraseology, implication, context, mythology, symbolism, personification, lexical semantics.

Ina E. Namakštanskaja

Donbaso valstybinė statybos ir architektūros akademija

Jelena V. Romanova

Rusijos tautų draugystės universitetas

ANIMALISTINIS PASAULIS V. S. VYSOCKIO POETIKOJE

Santrauka

Poetinėje V. Vysockio kūryboje daugybė temų ir vaizdinių. Žmonių santykių problemas poetas išreiškia realistiniais ir simboliniais vaizdais, realiomis, mitologinėmis ir pasakiškomis situacijomis. Tekstas ir kontekstas rutuliojasi paraleliai arba susipina eilėraščių ar dainų posmuose bei eilutėse. Aptardamas žmonių santykius, tarybinės visuomenės socialinę, politinę, tautinę organizaciją ir žmogaus vietą toje struktūroje, V. Vysockis pasitelkia įvairiausių simbolių, taip pat ir paukščių bei gyvūnų įvaizdžius. Straipsnyje nagrinėjamos jų semantinės reikšmės, atspindėtos pasaulio mituose, Biblijoje, tautosakoje ir frazeologijoje, ir bandoma aptarti, kaip poetas įprasmina minėtus įvaizdžius.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: poetika, frazeologija, potekstė, kontekstas, mitologija, simbolika, personifikacija, leksinė semantika.